

Елена Башмакова

*Ph.D., кандидат психологических наук, психоаналитик, преподаватель
психоанализа, соавтор проекта “Лакан в Одессе”
<https://orcid.org/0000-0002-6311-0587>*

AVE CORPUS SOLIDUM: ПРИСУТСТВИЕ И УКЛОНЧИВОСТЬ ТЕЛА В ПСИХОАНАЛИЗЕ Ж. ЛАКАНА

Пандемия - хватаемся за то, что отнимают

Реальное коронавируса ворвалось в наше воображаемо безопасное существование с большой помпой, разрывая его на куски. Мы сможем понять смысл происходящего лишь тогда, когда придем к какому-то концу. Но в текущей ситуации вновь обнаруживается верность утверждения Фрейда об управлении и терапии как невозможных профессиях.

Во время заточения мы стали остро ощущать расстояние и отсутствие тел и понимать, что понятий близости, дистанции, границ недостаточно для объяснения присутствия. Привычные понятия - близко, далеко - наполняются новым смыслом, а новые фразеологизмы свидетельствуют о дискомфорте, связанном с наличием и последствиями взаимных отношений и связей с другим - внешним и непосредственно близким, интимным и экстимным:

- социальная дистанция
- blurring - размывание, отсутствие границы между частным и профессиональным
- FOMO (fear of missing out) - страх пропустить что-то в социальных сетях
- FOGO (fear of going out) - боязнь высунуть нос на улицу, что лишь кажется нюансом агорафобии [1].

Цифровые технологии глубоко внедряются в нашу жизнь, дабы восполнить отсутствие тел. Два неологизма стали частью общего языка, очерчивая этот эффект:

- *presential* - face-to-face, очный, присутственный
- *distancial* - дистанционный, удаленный.

Мы можем «видеть друг друга» без наличного присутствия, «слышать друг друга», не приближаясь. Однако в отсутствие тел, без их противостояния, присутствие становится еще более загадочным, но не менее необходимым. И виртуальные аналитические встречи лишь подтверждают, что анализ неотделим от определенного отношения к присутствующим телам. Отсутствие тел обнаруживает себя как *fuuant* (фюян) - как тело, которое уклоняется, ускользает, избегает, спасается.

Масштабы и организованность бегства тел «из плоти и крови» из психоаналитического пространства, а также стремление легитимировать этот процесс, вызывают тревогу и озабоченность. Не взываем ли мы к тому, что, рискуя вот-вот быть утраченным, приобретает особую ценность? «Не без тела», «Телесные эффекты языка», «Событие тела», «Тело в психоанализе», «Бессознательное и говорящее тело» - так артикулируется эта проблема на семинарах, конгрессах и конференциях последних лет.

О чем теле, о каком теле идет речь? Кому и зачем необходимо его присутствие и наличие? Может ли анализ происходить без присутствия аналитика, без собрания органов? Лакановский анализ дает в этих вопросах четкие ориентиры, на пересечении которых, не без тревоги, а порой и ужаса, можно основать свой выбор.

Самому наивному наблюдателю очевидно, что в аналитических отношениях участвуют два плотных, осязаемых, тела, два *corpora solidum* - тело аналитика и тело анализанта. Более искушенный искатель не только учтет, но, вслед за Лаканом, провозгласит присутствие аналитического третьего - речи,

языка, этого тонкого тела. Уже в Римской речи Лакан сказал: «Речь является даром языка, а язык вовсе не есть нечто нематериальное. Это тонкое тело, но все же тело» [2].

Если опереться на представление Лаканом дискурса аналитика, то можно уловить различие между психотерапией и психоанализом. Инструмент психотерапии - речь, слово, которое спрашивает, требует, отвечает. Искусство психотерапии - умение уловить речь больного, отвечать словом, способным ее распутать, символизировать травму. Это измерение присутствует и в психоанализе, но анализ направлен за его пределы - к логике того, что вызывает *jouissance* симптома, который заставляет человека страдать, а потому приводит его в анализ. Для того чтобы состоялся анализ, психоаналитик должен воплощать для анализанта реальное присутствие объекта, который является причиной повторения его симптома, то есть его бессознательного наслаждения.

Вторая отличительная особенность анализа - это его цель - обнаружение субъектом истины отсутствия сексуальной связи, что на схеме аналитического дискурса может быть распознано как дизъюнкция неспособности, не-встреча истины агента и утраты анализанта, $S1//S2$.

Более или менее, с существенными потерями, усугубляющими дизъюнкцию невозможности $a//\$$, и в виртуальном анализе, как в психотерапии, тонкое тело, речь продолжает звучать и имеет свои структурные эффекты. Поэтому сейчас - ближе к телу... телу анализанта - говорящему и говоримому, которое страдает, то есть наслаждается.

Субъект бессознательного, о котором преимущественно говорит Лакан в первой части своего пути, строго говоря, не имеет тела, поскольку, в отличие от самого загражденного субъекта, тело не возникает из «чистой логики». Имея онтологическое измерение, Субъект бессознательного не принадлежит к измерению онтики, он не является сущностью, у него

нет определенных физических проявлений. Именно поэтому он обладает онтологическим измерением, о чем говорит Лакан на XI Семинаре [3].

Позднее учение Лакана начинается с фактического отказа от формулы «бессознательное возникает из чистой логики», которая, казалось, составляла основу его учения. Его заменяет другая мысль, которая не произносится однозначно, но формулируется Ж.-А. Миллером как «бессознательное возникает из говорящего тела» [4].

Таким образом, субъект бессознательного наделяется телом, и отныне Лакан называет его очень просто - l'homme, человек. Здесь важно подчеркнуть это понимание, обретенное на повороте учения Лакана. Во-первых, в отличие от субъекта, у человека есть тело. Во-вторых, это тело - говорящее тело. В-третьих, тело не говорит по собственной инициативе [4].

Человек всегда говорит своим телом. «Je parle avec mon corps», я говорю своим телом - сказал Лакан на XX семинаре [5]. Человек использует свое тело как инструмент, чтобы говорить. Само тело, очевидно, не является причиной говорения, но оно открывает дверь человеку, использующему его, чтобы говорить. Лакан часто ссылается на пассаж Аристотеля «О душе», где тот подчеркивает, что думает не душа, а скорее человек думает своей душой [5]. Точно так же человек говорит своим телом.

С другой стороны, проходя через тело, речь, в свою очередь, на него воздействует - в виде резонанса и эха, которые являются реальными. И в этом смысле, по утверждению Ж.-А. Миллера, «бессознательное и говорящее тело - одно и то же реальное» [4]. «Бессознательное» и «влечение» в понимании Фрейда имеют общее происхождение - это следы речи в теле, телесные эффекты языка.

Именно к этому говорящему и говоримому телу, обращает и даже принуждает аналитическая кушетка. Ж.-А. Миллер

говорит о ней как о гардеробе, где снимают и складывают свое активное тело, и отказываются от воображаемого тела. На кушетке оказывается третье тело - рубище, вретисце, мусор, который мы таскаем за собой, но который так нам дорог.

И далее, материализоваться на кушетке как брошенное, сломанное, убитое тело - значит ощутить себя телом, на котором паразитирует речь, слабым телом, большим болезнью всех говорящих, то есть стать чистым говорящим [6].

Отныне бессознательное, взыскуемое в анализе, - это не бессознательное чистой логики, дискурс Другого, а бессознательное чистого наслаждения, за которым закрепился лакановский неологизм *parlêtre*, говорящество. Концепция *parlêtre* основана на изначальной эквивалентности бессознательного и влечения. В отличие от фрейдовского бессознательного, принадлежащего к онтологическому и этическому порядку, *parlêtre* - это онтическая сущность, она обязательно имеет тело, поскольку без тела нет *jouissance* [4].

Итак, чтобы иметь субъект, сначала нужно иметь тело. Так же, чтобы иметь *jouissance*, нужно тело [7]. Психоанализ придает большое значение телу субъекта, ибо анализ можно проводить только с телом. Именно оно в анализе ставится на карту - в форме причиняющего страдание симптома в начале, его упразднения в ходе анализа, и возвращения телу чего-то несказуемого в конце анализа.

Чтобы создать тело, нужна плоть (организм), язык и образ. Эти три измерения - реальное, символическое и воображаемое - связаны узлом Борромео, конституирующим субъекта.

Вброшенный в мир, лишенный инстинктов, человек вынужден изобретать свое отношение к объекту, неизбежно проходя через требование, через Другого языка. Его первичное наслаждение утрачено, его правдоподобной репрезентации не существует, остается лишь след неудовлетворенности, позволяющий предположить существование мифического

наслаждения, о котором Лакан говорит как о запрещенном всем говорящим [8].

Через язык организм трансформируется в тело, чрезвычайно чувствительное к означаящим и расщепленное влечением. Это говоримое тело, запутанное в сети означаящих, которые могут заставить его заболеть или вернуть к здравью. По словам Лакана, означаящее превращает тело в территорию, область или среду Другого [9].

Означаящее убивает вещь, и эта смерть живого делает организм телом, отделенным от его наслаждения, которое, тем не менее, возвращается через влечение, которое не закрывается ни воображаемым, ни символическим.

Так, подобно расщеплению самого субъекта, тело оказывается разделенным на его означаящую часть (Другого в языке) и часть в реальном - ту радикальную инаковость, которая оставляет тело не самоочевидным, непрозрачным, загадкой, тем, что в какие-то моменты может казаться странным и неуместным. Зоной расщепления тела остается влечение, которое закрыться не может [3]. Однако у обладателя такого тела (ибо, хотя человек мыслит себя как тело, но телом он не является, он тело имеет) - отчужденного в языке, то есть невротического, субъекта - есть почти непреодолимая проблема: он не может удовлетворить влечения непосредственно. Его судьбой, следствием его структурного выбора оказывается удовлетворение в неудовлетворенности или мучении себя, то есть *jouissance* симптома.

Именно через симптом как событие тела, равно, как и через образ, тело вступает в психоанализ [10]. Как событие тела симптом является исключением из устоявшейся формы социальных связей, поскольку в нем удовлетворение преобладает над означиванием. Как превратность влечения, в первую очередь сексуального, симптом - это маскировка тайны сексуальных отношений и отсутствия сексуальной связи. Собственно

так Лакан формализует фрейдовский миф об Эдипе как о структурирующем запрете, влекущем утрату *jouissance*: «*Il n'y a pas de rapport sexuel*» [5].

Это не означает, что не существуют отношения желания и отношения любви. Эта формула имеет смысл только на уровне наслаждения «тела к телу», где никаких отношений не существует. Двое не могут стать одним, и потому мы об этом мечтаем. Человек всегда получает удовольствие один, и не только в постели, например, мы не можем ни с кем разделить нашу головную боль, а боль - это форма наслаждения.

В целом, хотя изначально и в повседневном языке симптом - это проблема, от которой страдающий субъект хотел бы избавиться (и это многократно появляется в терапевтических запросах), это скорее решение проблемы отсутствия сексуальных отношений. Это единственное решение, которое каждым человеком изобретается по-своему, ним нельзя поделиться, его невозможно передать другому. Симptom - это решение проблемы отсутствия отношений между полами, которое не является коллективным [10].

Итак, у анализируемого субъекта есть тело. Говорящее, говоримое и наслаждающееся. Другое тело, которое в анализе участвует, - тело аналитика. Оно, конечно, не аналогично телу анализанта. Но так же неоднородно и дискретно. Оно проходит через ряд метаморфоз, которые соотносятся с разными этапами анализа [11].

Так, Лакан настаивает, что на первых встречах «конфронтация тел» необходима и важна [7]. Встреча тел пациента и аналитика - это момент инаугурации под эгидой дискурса господина. Господин пациент приходит к рабу аналитику, чтобы через его знание, мастерство, ноу-хау получить свой объект наслаждения. Порожденные этой встречей аффекты, приятные ощущения, добрые чувства возникают в дискурсе господина на основе прецедентного права, привязаны к чему-то

уже сказанному, ортодоксии. Это подталкивает пациента к работе, соблазняя его возможным прекращением субъективного разделения. Аффект, производимый такой встречей, Лакан определяет как телесный эффект означающего. Это аффект «между телом и дискурсом» - эффект не смысла, но наслаждения, специфичного для дискурса господина.

Однако иллюзия возможного исцеления, то есть преодоления субъективной и телесной нецелостности, обещанная дискурсом господина, будет сметена, как только посредством входа в перенос будет установлен дискурс аналитический.

Так, в движении «десубстантивации», происходит первая трансформация персоны аналитика в аналитическое тело. Она предполагает постепенное опустошение субстанции, дистанцию, отводящую от личности самого аналитика, и открывает путь для производства психоаналитического знания - через столкновение с тупиками и иллюзиями переноса. Если же воображаемое тело аналитика, в виде любых элементов среды (картины в приемной, запаха в кабинете, цвета ковра или прихода следующего пациента) вновь появится в ходе терапии, то это будет признаком переноса и указанием на сопротивление, поскольку, согласно пониманию Лакана, «сопротивление появляется на свет переносом вперед».

Следующий этап - вхождение в перенос - отмечен возникновением аналитика как большого Другого, субъекта предположительно знающего. Это стадия профанной реинтеграции тела. На этом этапе аналитика, сведенного к взгляду и слушанию, через которые пациент в некотором смысле завершает свой симптом, достаточно, чтобы поддержать его разоблачение. Присутствие тела аналитика остается для выполнения этой функции необходимым, хотя оно должно оставаться в некотором резерве, в частности, путем отвода от взгляда.

Аналитик представляет аналитическое тело, делает себя опорой, носителем предполагаемого знания, которое якобы

можно извлечь из Другого во благо пациента. Но если в теории Фрейда тело аналитика является опорой известного (в частности переиздания родительских фигур), то в лакановском расширении оно становится опорой неизвестного, то есть бессознательного знания, которое аналитик вмещает лишь постольку, поскольку сам пациент его предоставил, поместил в него, но все же игнорирует. В таком случае присутствие аналитика само является проявлением бессознательно-го пациента [3].

«Быть опорой - значит только предполагаться» - говорит Лакан [7]. А кто предполагается, как не Бог, большой Другой - тот, кто имеет тело, но не существует, а присутствие которого не может быть схвачено, кроме как тело [3]?

Итак, в начале переноса субъект предположительно знающий, опорой которого становится тело аналитика, является фигурой большого Другого. Как символическое тело большой Другой включает в себя тело аналитика [12]. С другой стороны, как местоблюститель, представитель, аватар большого Другого, аналитик должен собирать «в своем теле» то, что он слышит от анализанта, чтобы стать его «интерпретатором».

Следующее логическое движение, завершающее анализ, направлено на извлечение из аналитического тела материала, относимого на счет предполагаемого знания аналитика. Большой Другой должен быть разоблачен, с него нужно совлечь его тунику, дабы дать возможность увидеть то, что изначально было завуалировано, - объект *a* [5].

Когда субъект предположительно знающий терпит крушение, остается объект *a* - продукт разреза, объект вне тела. Аналитик и его тело в его новом измерении - измерении реального.

Ж.-А. Миллер говорит, что объектом анализа является сам психоаналитик - тот, кто способен сделать себя специфическим объектом, который позволяет другому переживать себя в качестве субъекта. В присутствии этого объекта человек всту-

пает в размытый мир, где он уступает свою объектность в пользу говорящего тела, то есть бессознательного, а плотным объектом остается психоаналитик [6]. Этимология слова «плотный» не вызывает сомнений: такой, в котором много плоти, вещества.

Речь в таком случае идет о «реальном присутствии» аналитика. Святой Фома Аквинский говорит о реальном присутствии тела Христа в Евхаристии как о субстанции, которая не зрима «телесным оком», не воспринимается ни чувствами, ни воображением, но может быть увидена и осмыслена как реальность существа. Кардинал Томмазо де Вио в контексте богословских споров XVI века писал: «Никто не настолько глуп, чтобы утверждать, что дух есть тело; но мы говорим, что в причастии тело Христово становится духовным. Оно даже присутствует в причастии как реальное тело, хотя не существует в модальности тела».

Лакан говорит о реальном присутствии, объясняя функцию символического фаллоса, большого Ф. Помимо репрезентации органа, за пределами любого представления или возможного означивания, Фаллос имеет статус знака. И этот знак - реальное присутствие, которое аналитик может воплотить во плоти и крови. На определенном этапе анализа в его теле размещены объекты (а) анализанта, он воплощает объект-причину его желания. Когда аналитик - это присутствие, то он является одновременно и объектом-причиной желания, опорой вопроса «Que vuoi?» (КевОи, Чего ты хочешь?), и объектом - поддержкой *jouissance* влечения. Так, через реальное присутствие Лакан размещает аналитика в сессии как топологический объект, опору для реального как невозможного присутствия, воплощая который аналитик может интерпретировать желание субъекта и единичное событие *jouissance* его тела.

В каждом разрыве между означающими для субъекта открывается вопрос о желании Другого и возникает лишь знак

желания, и ничего означиваемого. Таким образом, в анализе функция символического фаллоса, которую он выполняет в «своем месте», состоит в том, что он является реальным присутствием желания [13].

Итак, Фи символизирует реальное присутствие - одновременно отсутствие и присутствие, значение и выход за его пределы. Пустое присутствие - интервал между двумя означающими ($S1 // S2$), отсутствие связи между ними, которое неизбежно отсылает к невозможности сексуальных отношений как наслаждения «тело к телу». Связь между двумя полами может существовать только благодаря означающим бессознательного; тела совокупаются, потому что слова совокупаются в бессознательном, в языке. Это то, чем аналитик поделиться не может, но о чем может подать знак [13].

Так, воплощая объекты (а) и репрезентируя Фи, аналитик может поставить субъекта перед истиной психоанализа: сексуальных отношений не существует. По словам Ж.-А. Миллера, для этого недостаточно видеть друг друга и разговаривать друг с другом [6]. Для того чтобы пережить сексуальное неотношение (не-связь), необходимо совместное присутствие двух плотных тел.

Итак, практикуя этику психоанализа, аналитик переживает собственное убийство, не убивая нападающего, принимает страсти собственного тела (его метаморфозы и смену модальностей присутствия), соглашается стать отходом и излишком, затрагивающим «не-бытие». Вероятно, это необходимая плата за возможность возродить страсть быть аналитиком и снова занять это невозможное место.

Возвращаясь к практике психоанализа во времена диджитализации и в условиях ограничений коммуникации face-to-face. Структура современного субъекта не изменилась, но, трудно не отметить изменений в его отношении к языку и jouissance. Субъект пост- и гипермодерна подвержен социаль-

ным связям капиталистического дискурса - особого типа социальных связей, который Лакан определил как слияние технoнауки с рынком. Он изобретает решения, чтобы сконструировать свою субъективность и выдержать свое существование, но также для того, чтобы возразить большому Другому или обозначить его аннулирование, как диктуется дискурсом капиталиста [10]. Как в этом может участвовать в этом психоанализ, как, каким ему быть?

Формулу дискурса капиталиста можно прочесть так: агент - расщепленный субъект \$, у которого на месте истины - неизвестный ему господин S1 безостановочно поглощает прибавочное наслаждение, объект (a) посредством знания S2. Возможна и такая интерпретация: отчужденный, не имеющий жизненных ориентиров субъект, технологически экипированный и ведомый просто поданным экспертным знанием, получает прибавочное наслаждение, почти не напрягаясь. Он потребляет его неограниченно и безостановочно, ибо такова воля его господина «Наслаждайся!»

Дискурс дает нам тело, о котором мы можем сказать «у меня есть тело», а также является своего рода попустительством телам и их jouissance. И современный человек, обнаруживая себя в социальной сети, а значит в капиталистическом дискурсе, оказывается в угрожающей зависимости от технoнауки, которая не ставит и не отвечает на вопрос о смысле. С другой стороны, все фигуры, способные ограничить наслаждение, устранены; это то, что Лакан называет «форкклюзией кастрации» со всеми вытекающими отсюда последствиями, в первую очередь - «отказ от всего, что связано с любовью» [6]. В обстоятельствах человек погружается в избыток jouissance. Так движется современный нам мир, и это не хорошо и не плохо, это просто так есть.

Однако основания, ориентиры и задачи психоанализа, как мы понимаем, радикально иные. Дискурс истерика и аналитика

не может быть выведен из дискурса капиталиста. Тогда возникает вопрос: не включаемся ли мы в дискурс капиталиста, позволяя плотному, осязаемому телу уклониться от встречи с другим телом в аналитической сессии? Не изменяем ли мы аналитическому дискурсу и желанию аналитика? Похоже, что да.

Времена и обстоятельства меняются, но пока мы живы, пока мы можем выбрать, мы должны приносить на сессию свое тело.

Ave corpora solidum!

Литература:

1. Lacaze-Paule C. La présence réelle et la fuyance du corps // <https://www.lacan-universite.fr/wp-content/uploads/2020/09/ironik-42-Habeas-corporis.pdf>
2. Лакан, Ж. (1995). *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. М.: Гнозис.
3. Лакан, Ж. (2004). *Четыре основные понятия психоанализа* (Семинары: Книга XI (1964)). Логос.
4. Miller, J. A. (2016). Habeas corpus. *La Cause du désir*, (3), 165-170.
5. Лакан, Ж. (2011). *Семинары. Книга 20. Ецё. 1972-1973*. М.: Гнозис/Логос, 142.
6. Miller, J.-A. (2000) Le divan. XX1 e siècle. Interview // https://www.liberation.fr/cahier-special/1999/07/03/le-divan-xx1-e-siecle-demain-la-mondialisation-des-divans-vers-le-corps-portable-par-jacques-alain-m_2784
7. Lacan, J. (1971). *Ou pire. Le savoir du psychanalyste. Le Séminaire livre XIX* (1971-1972).
8. Лакан, Ж. (1997). Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда. *Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда*. М.
9. Lacan, J. (1968). *De la psychanalyse dans ses rapports avec la réalité*. Autres écrits.
10. Canellopoulos, L. (2010). The bodily event, jouissance and the (post) modern subject. *Recherches en psychanalyse*, (2), 321-328.
11. Blaquière, H. (2015). Le corps de l'analyste. *Figures de la psychanalyse*, (1), 149-157.
12. Lacan, J. (1970) Radiophonie. *Scilicet* 2/3, Paris, Seuil, pp. 55-99.
13. Лакан, Ж. (2019). *Перенос* (Семинары: Книга VIII (1960-1961)), Пер. с фр. / Перевод А. Черноглазова. М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос". 432 с.